

«Иностранец» — произведение представителя Серебряного века русской литературы, родоначальника русского экспрессионизма Л. Н. Андреева (1871–1919). ***

В рассказе автор поднимает актуальную для того времени тему — бунт, мятеж и борьба, имеющая политический смысл. Привлекательны эпизоды, где выражена любовь героя к родине. Рассказ был воспринят как значительное явление в творчестве писателя, как свидетельство его интереса к общественным проблемам.

Перу Андреева принадлежат и такие произведения: «В тумане», «Бездна», «Весной», «Книга», «Предстояла кража».

Леонид Николаевич Андреев

Иностранец

I

С одиннадцати часов утра вплоть до восьми вечера студент Чистяков ходил по урокам и только раз в неделю, по средам, когда занятия с учениками начинались у него позже, заглядывал на минутку в университет, чтобы отметить у педеля. На лекции он никогда не заходил и не знал даже, где расположены аудитории для юристов второго курса, так как очень не любил профессоров и ближайшей весной собирался навсегда уехать за границу — жить и учиться там. Для этой именно цели он набрал столько работы и копил деньги, а по вечерам, возвратившись с уроков, занимался немецким языком. Поселиться он решил в Германии, в Берлине; там уже с год жил его старый приятель и писал оттуда длинные и восторженные письма. И в каждом письме настойчиво звал его.

Но случалось по вечерам, что в голове у Чистякова что-то шумело, как вода, падающая с мельничного колеса; перед утомленными глазами мелькали неприятные лица учеников, и сильно болел левый бок. Тогда заниматься нельзя было, и он или ложился в постель, считал накопленные

деньги и мечтал о своей жизни в Берлине, или шел вниз, в шестьдесят четвертый номер, где вечерами собирались обыкновенно студенты со всего «Северного Полюса», — так назывались номера, в которых он жил. Он не любил собиравшихся там студентов, как не любил всего, что его окружало: не любил улиц, по которым ходил, не любил комнаты, в которой жил, не любил всей неустроенной, хаотичной, варварски грубой и бессмысленной жизни. Даже хуже варваров казались ему люди, которых он видел всюду, на улицах и в домах: варвары были смелы, а эти только не уважали ни себя, ни других, и часто вырастал между ними страшный призрак тупого насилия и бессмысленной жестокости. Но сознание, что скоро он уйдет от них навсегда, увидит других, хороших людей, заживет настоящею, устроенною и доброю жизнью, примиряло его с остающимися людьми и вызывало странную грусть и тихое сожаление. И когда он приходил к ним, высокий, с узкою и больной грудью, с бескровным лицом постника и лихорадочно блестящими глазами, его тихое «здравствуйте!» звучало как печальное «прощайте!».

А внизу, в шестьдесят четвертом номере, всегда было так весело, беззаботно и шумно. Оттого, что в номере много пили водки и курили, много пели и кричали, спали на полу и на диванах,

воздух в нем был сизый, тяжелый, сильно пахло спиртом и селедкой, и всегда царил беспорядок, такой прочный и непобедимый, что Чистякову он иногда казался особенным порядком. И хозяева комнаты, Ванька Костюрин и Панов, были похожи на свою комнату: беспорядочные и прочно утвердившиеся в своем беспорядке, по утрам вместо чая они пили водку или пиво, ночью бодрствовали, а днем спали.

Имущества у них было очень мало, но на окнах всегда стоял ряд порожних бутылок, по росту, начиная от четверти и кончая соткой, а на стене висели бубен и треугольник, и лежала хорошая гармония. С тех пор как один из товарищей по номерам, серб Райко Вукич, однажды ночью прошелся с бубном по коридору и страшно напугал всех жильцов, подумавших про пожар, каждый вечер в одиннадцать часов приходил коридорный Сергей и отбирал бубен до утра. А утром приносил его вместе с парюю пива, и длинноусый Ванька Костюрин, по утрам очень мрачный, исполнял на бубне короткую песнь — тоже почему-то очень мрачную. А потом звонкой и веселой трелью рассыпалась гармония — и начинался бестолковый и непонятный Чистякову день.

Когда вечером в шестьдесят четвертый номер приходил Чистяков, узкогрудый, болезненный, неся

на себе следы трудового дня и строго определенной жизненной цели, компания встречала его с легкой насмешкой и недоброжелательством.

— Иностранец ползет! — возвещал Ванька Костюрин.

И студенты смеялись, так как всем своим лицом, длинными волосами, синей рубашкой, выглядывавшей из-под тужурки, Чистяков менее всего походил на иностранца. Да и говор у него был самый великорусский: мягкий, округлый и задумчивый.

Не любили его студенты за то, что он был совершенно равнодушен к их жизни, не понимал ее радостей и похож был на человека, который сидит на вокзале в ожидании поезда, курит, разговаривает, иногда даже как будто увлекается, а сам не сводит глаз с часов. О себе он ничего не рассказывал, и никто не знал, почему в двадцать девять лет он только на втором курсе, но зато много и подробно говорил он о загранице и тамошней жизни. И всем, кого видел в первый раз, сообщал с тихим восторгом где-то и когда-то услышанную им новость: что в Христиании, на самой лучшей площади, народ воздвиг два прекрасных памятника: Бьернсону и Ибсену,¹ еще при жизни последних, и

¹ ...народ воздвиг два прекрасных памятника: Бьернсону и Ибсену, еще при жизни последних... — Бьернстьерне